оценка напрямую соотносится с речевым поведением автора интертекста, который оценивает содержание собственной речи: «Труженица такая, что сразу за это в рай попадет, – сказал Бертель» (В. Песков. Школяр на ферме); «Во всем экстремизм не дает хороших плодов» (В. Песков. Барсук в подворотне). В других случаях оценка носит двухголосый характер: «Такой коллекции нет нигде в мире. Разве что по оружию немцы нас превосходят», – говорит мадам Буасон». (В. Песков. Четвертая страсть). Та категоричность, с которой мадам Буасон произнесла эту фразу, заставляет нас рассматривать хранительницу музея в качестве субъекта данной оценки. Однако помещенная автором в конце собственного речевого действия изложения фактического материала реплика хранительницы музея четко связана с прагматической установкой очеркиста – дать высокую оценку уникальной коллекции этого музея.

Мы не ставим перед собой задачи проанализировать характер всех основных речевых действий авторов интертекстов в очерках В. Пескова. Комментарий и оценка, предметное описание и событийное повествование, как наиболее яркие и частотные из них, достаточно убедительно иллюстрируют тезис о расширении субъектной сферы очерков за счет интертекстов.

В целом чем больше по объему интертекст, тем сложнее рисунок речевого поведения персонажей, разнообразнее виды его последовательных речевых действий: «Поглядите в открытую дверь – чьи это краски в бору такие яркие? Осина! Глаз отвести невозможно. Очень люблю осину! И особо за еще одно свойство ее. Все живое обречено умереть. И все, умирая, смердит. Только дерево, умирая, благоухает, в особенности осина! Я держу за домом кладочку старых поленьев, чтобы, проходя, почувствовать тонкий, как духи, запах. Осину ругают – «иудино дерево!», «осиновый кол тебе в память». Несправедливо! Понаблюдайте за цветом коры юной осины – чудо! Не зря американцы модель одного из новых автомобилей окрасили в «цвет молодой осины». В лесу молодые осины – это хлеб для многих зверей: гложут горькую, но необычайно сытную кору осины зайцы, у бобра это первое лакомство, лось каким-то чутьем находит осину. Листом осиновым набивают зоб осенью на ночь тетерев и глухарь. Хорош из осины и строительный материал. Сухие стропила и балки служат дольше любого другого дерева. Щепу на крышу раньше делали из осины. Посуда из осины для солений и маринадов предпочтительней всякой другой. Баню внутри обшивают дощечкой осиновой. Качество угля, особо отметим, у осины выше, чем у березы. Раньше колодцы «били» – какой сруб в воду шел? Осиновый! Я уж не говорю о спичках. Вся спичечная промышленность держится на этом дереве» (В. Песков. В гостях у лесничего).

Этот довольно пространный монолог лесничего С.М. Новикова представляет собой линейную совокупность речевых действий различной семантики: предметной (с предложениями, включающими зримые и обонятельные признаки предметов: *яркие краски, тонкий, как духи, запах),* объемное речевое действие фактообразующей семантики (изложение фактического материала), начинающееся с предложения *«В лесу молодые осины…»* и заканчивающееся последним предложением. Можно отметить несколько примеров модально-оценочной семантики: *«Очень люблю осину!», «Хорош из осины и строительный материал», «Глаз отвести невозможно», «Несправедливо!»;* высказывание сентенционного характера: *«Все живое обречено умереть. И, все, умирая, смердит».*

По разнообразию речевых действий, по наглядности, по ярко выраженному личностному началу, страстности и влюбленности в природу этот монолог героя созвучен многим строчкам из монолога очеркиста.

Таким образом, мы видим, что характер речевых действий в интертекстах очерков В. Пескова указывает на их тесную соотнесенность с прагматическими установками журналиста и его речевым поведением, выполняя компенсирующую и усиливающую роль. Интертексты в произведениях журналиста – довольно яркое и выразительное средство, обогащающее предметную представленность окружающего нас мира природы, расширяющее наши знания о нем. Сам журналист свою прагматическую установку на интертексты обозначает таким обращением к читателю: «Наблюдайте, пишите… Коллективно мы можем увидеть в природе много удивительного и интересного».

Н.Н. Недельский

ТЫЛ-ФРОНТ (ЛИТЕРАТУРА ПРИАМУРЬЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ. ЗАМЕТКИ)

Moral bases of the victory of soviet folk are considered In article rear-front in Great Domestic War on example of the product Amurskih man of letters.

Название статьи дал ныне изрядно забытый, а в свое время широко читаемый роман благовещенского писателя А. Головина «Тыл-фронт» (о фронте, тыловом по отношению к западному направлению, но готовом к отражению возможного нападения на СССР Квантунской армии союзника Гитлера милитаристской Японии). Но я пишу не только о нем. Перебирая произведения амурских авторов, невольно задумываешься, как здесь, на далекой окраине России, люди жили одной мыслью со всем народом, как они упорным трудом ковали победу – шли на фронт, неся на ее алтарь юношеские мечты, надежду и саму жизнь.

Литература Приамурья, а она еще очень молода (ей немногим более века), по-своему отразила дыхание войны, большой беды, свалившейся на просторы необъятной России.

Сразу оговорюсь: произведений, которые впоследствии могли бы считаться классикой, написаны не были. Не было амурского Теркина, некрасовских «В окопах Сталинграда», симоновских «Живых и мертвых». Но зато была гроссмановская «Жизнь и судьба», ибо судьба самого незаметного человека по большому счету не менее важна, чем судьба личности известной – вождя, полководца, пророка. А впрочем, гласит народная мудрость, – нет пророка в своем отечестве.

Но начнем по порядку. К 30-летию победы в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства (Благовещенск) вышла книга «Солдатский треугольник»: письма амурцев – бойцов фронта и тыла (1941-1945) под редакцией О.К. Мамонтовой. Составители книги – работники партийного архива Э.В. Гилева и Т.Г. Трубчик. Тираж по нынешним временам значительный – 8000 экз. Книге были предпосланы статьи секретаря Амурского обкома КПСС Г.А. Рудова и бывшего в первые годы войны редактором газеты «Амурская правда» Д.В. Королева.

«Помню 19 сентября 1941 года. В тот день, – вспоминал Королев, – редакция получила первое письмо с фронта. Как и большинство писем той поры, когда не хватало конвертов, оно было сложено треугольником. Красноармеец Кулешов рассказывал о боевых подвигах амурцев… И сразу между сотрудниками редакции и воинами завязалась оживленная переписка».

Отбросим статистику – сколько амурчан ушло на

фронт, сколько совершено подвигов, сколько награждено – это хорошо известно, хотя этим и надо гордиться. Скажем о другом, – может быть, о главном. Сегодня без волнения нельзя читать строки этих писем, невозможно найти нестандартные, лишенные пафоса слова, чтобы передать человеческое содержание дум и надежд простых, но великих людей того времени. Отлично понимаю, что письма были перлюстрированы, отредактированы, причесаны, но и через все эти цензурные и газетные преграды ключом била родниковая струя того, что называется народным духом, а проще – затерянным ныне словом «патриотизм».

Приведу, разумеется, не наобум, строки из письма И. Коробко жене Нюре. Кратко и в общих словах рассказав о ратных делах, письмо он закончил так: «Ну вот все, мать. Писать больше нечего… Сажай, мать, побольше огород, положение сама знаешь, какое, и корову береги. Передавай привет всем знакомым. Миша, наверное, уток бьет. Я тут одну из нагана убил, когда был в командировке. Целуй, мать, за меня ребятишек. Целую, Ваня». И.Д. Коробко с войны не вернулся…

В сборнике много подобных писем. И земное спасибо редакторам и составителям, что каждое письмо сопровождалось кратким рассказом об авторе. Множество прекрасных поэтических строк военной поры привели составители сборника, чтобы читатель ощутил атмосферу тех грозных лет. Так, небольшой рассказ о погибшем А.Ф. Гассане начинался строками из стихотворения А. Твардовского «Я убит подо Ржевом»:

«…Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?
Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону,
Этот месяц был страшен,
Было все на кону…»

В 1963 г. Амурское отделение Хабаровского книжного издательства выпустило роман А. Головина «Тыл-фронт» – объемное произведение тиражом 100 тыс. экз. Роман создавался автором шесть лет – с 1953 по 1959 гг. В свое время он имел большой успех. Тираж полностью разошелся. Сегодня о нем практически забыли, но я бы хотел напомнить. Сразу оговорюсь – не собираюсь анализировать художественные достоинства произведения. Передо мной другая задача – напомнить современному читателю о великой миссии Советской Армии, ее бойцах, командирах, поставивших конечную точку в Великой Отечественной войне, именно здесь, на Дальнем Востоке, разгромив и принудив к капитуляции миллионную Квантунскую армию японских милитаристов.

Кстати, о терминах. Германский фашизм – здесь, думается, все ясно. Но почему японский милитаризм? Да потому, что это идеология высшей самурайской касты, готовой продолжить истребительную не только для других народов, но и для самой себя войну даже вопреки воле божественного микадо. Изуверские понятия военной чести, высокомерие и оголтелая ненависть к другим народам – характерные черты милитаристской идеологии, с большой убедительностью показаны в романе.

Генерал-лейтенант Т.В. Савельев в трудные дни обороны Москвы неожиданно для себя получает направление на Дальний Восток. Генерал Василевский объясняет ему, что происходит на западном фронте и что предстоит делать на Востоке: «…Здесь положение ясно: нужно бить, бить всеми способами и средствами. Там нужна еще и политическая проницательность: когда на японскую провокацию ответить «огнем», а когда оттолкнуть, не ввязываясь в драку».

И все же, по мнению большинства советских людей, Дальний Восток был тогда глубоким тылом. Но так ли на самом деле?

Для японского командования Советский Союз был объектом номер один. Автор знакомит читателя с материалами секретного совещания в августейших апартаментах Токио под председательством императора Хирохито. Обсуждалась настоятельная просьба Гитлера – включиться в войну с Советским Союзом. Победило мнение военного министра генерала Тодзио – с Россией нужно повременить до падения Москвы, а после этого – «ударные соединения Четвертой армии и Вторая воздушная армия... вклиниваются в направлении Читы, рассекая Россию на две части. Первый Восточно-маньчжурский фронт овладевает Приморьем. Четвертая отдельная армия наступает на Благовещенск – Свободный». И далее – «все советские законы считать недействительными… русскому населению… не будет разрешено участвовать в политической жизни». Из выступления главнокомандующего Квантунской армией генерала Умадзу: «Опыт борьбы Германии на оккупированной территории показывает, что мы должны быть безжалостны. Империя стоит на грани великих, предначертанных небом событий. А сейчас необходимо использовать все меры для подрыва воинского духа и боеспособности Красной Армии. Необходимо активизировать также действия русских эмигрантов. Не скупитесь на инциденты…».

И начались будни «тылового фронта». Ежедневные провокации, стрельба на поражение, воинственные демонстрации, засылка диверсантов-подрывников, – как правило, из русской, кстати, глубоко презираемой японцами, эмиграции. Подготовка к масштабной бактериологической войне против СССР, которой занимался командующий засекреченным отрядом 731 генерал Исии, результаты которого высоко оценил японский генеральный штаб. Вчитаемся во фрагмент романа, где Исии демонстрирует фильм о своей работе принцу Такеда.

«На экране запрыгали иероглифы. Потом появилось улыбающееся лицо Исии. Его смешило несметное количество блох: в плотных ящиках, ящичках, коробках. Но вот появились десятки тысяч крыс. Они жадно набросились на зараженное чумой мясо. Вот в специальных приспособлениях на грызунов набрасываются мириады голодных блох. Они сосут из них кровь. Блох помещают в аппарат с распылителями. Самолет над китайской территорией. Внизу испуганные женщины, любопытно разглядывающие самолет ребятишки, апатичные старики. Блошиная масса через распылители дождем падает на землю. На экране сначала появляется крупная надпись «Результаты», затем китайская газета и японский перевод: «В районе Нимбо внезапно появилась сильная вспышка чумы. Костлявая рука чумной смерти убивает детей, матерей, стариков. Все на борьбу с чумой!».

Когда в зале вспыхнул свет, аудитория шумно рукоплескала апологету бактериологической войны. Генерал Исии стоял возбужденный и бледный.

Роман Головина состоит из двух частей. Первая носит название «Мертвая полоса», и все процитированное мной взято из этой части. Вторая часть – «Стремительный удар» – наступление войск Советской Армии, разгром, агония и капитуляция Квантунской армии, а затем и Японии. Это книга о мужестве солдат и офицеров Советской Армии, ее преданности Родине, великой освободительной миссии советского воина.

В 1963 г. в Благовещенске вышла книга стихов молодых амурских поэтов «Березовые окна». Для большинства из них – И. Еремина, В. Колыхалова, С. Демидова и В. Петрова – это первая книга. Сборник открывается стихами И. Еремина, будущего члена Союза советских писателей, безвременно ушедшего из жизни, но оставившего нам добрую поэтическую память. Особенно запомнилось стихотворение «Махорка», воскрешающее щемящую память военных лет:

Я помню: пылью застилая солнце,
Шли торопливо к западу войска.
Мы у солдат уставших у колодца
Тихонько попросили табака.
Они глядели на худых мальчишек,
На их одежду, что была бедна,
Сказал сурово запевала:
– Ишь как
Разбаловались … Да и то – война…
Потом он вытащил кисет расшитый
И отдал нам,
И вдруг в душе виня
Себя за это, погрозил сердито:
– Войну закончим – будет вам ремня!..

В 1976 г. вышла книга стихов И. Еремина «Сердцевина». Поиск первоосновы человеческой нравственности, содержательности человеческого бытия – главное, что определяло лирический пафос этой книги.

«Так ли жил?..» – главный вопрос, который мучил лирического героя и который определил в целом ретроспективный характер сборника. Автору «тревожно за себя...», и это объяснимо. Ведь личная судьба рассматривалась в органическом единстве с судьбами людей его поколения, чье детство знало «беду», кто «хотел на фронт попасть к отцу», кому было жестко приказано отцами: «Вы остаетесь за нас» – название повести Н. Фотьева (Благовещенск, 1974), кому достались «Горькие шанежки» – книга Б. Машука (там же, 1978).

Стихи И. Еремина утверждают ратный подвиг тех, кто «пал во имя праздника Победы, во время жизни, чтоб живущим жить» («День Победы»), «кого дороги фронтовые не привели с войны назад» («Солдатик»), и тех, кто вернулся с запахом «госпитальных, в одежду въевшихся лекарств» («Возвращение с войны»).

Венцом книги явилась поэма «Солдатка», удостоенная премии журнала «Наш современник» как лучшая поэтическая публикация года. В рецензиях на поэму подчеркивалось, что она развивает традиции русской классической поэзии, в частности Н.А. Некрасова, создавшего неповторимые образы русских женщин.

Сюжет поэмы прост. Жена солдата Алена получает письмо с фронта от мужа, в обыденной жизни молчуна, который, кроме «здравствуй и прощай», и не говорил-то ласковых слов. И вдруг такие нежные слова, или, как писал автор, – «… не слова, а пенье струн»: «Красно солнышко Аленушка, ясный месяц мой сынок! Как живете, как здоровьице?..».

Кровавая война… Солдатский треугольник, и то – дойдет ли? Но человеку, ставшему солдатом, «…полным голосом захотелось говорить».

И – простые, непритворные –
Сами шли, как в рост трава,
Эти образы фольклорные,
Эти русские слова.

А что же Аленушка? Она тоже найдет слова, но не о том, как «…впрягались бабы в плуг. И тянули плуг, не жалуясь». Она найдет слова, которые обрадуют воина. Он из строчек ее письма будет знать «… что устроено по дому все как при нем».

Про сынка – что он
«…ухоженный
По военным временам.
Про коровку – в срок положенный
Принесла теленка нам».
Про колхоз –
«что дает не меньше
Урожаи нынче рожь,
Что мужей ждут с фронта женщины,
И сама ты тоже ждешь!..».

Как великий апофеоз, как напоминание будущим поколениям о том, кто выковывал победу, звучат строки, заключающие девятую главу этой небольшой, но воистину «фольклорной» поэмы, написанной простыми русскими словами:

«И великою Россиею
Поднимались из веков,
Возвеличенная силою
Баб ее и мужиков».

Уже 60 лет, как окончилась Великая Отечественная. Но ее грозное эхо тревожит память человечества. О ней напоминают и другие войны, пусть не столь масштабные, но не менее кровавые – Корея, Африка, Афган, Чечня… Об этом, несомненно, будут написаны произведения, достойные великой памяти павших. Думаю, они уже создаются и еще будут созданы литераторами Приамурья. А некоторые из них написаны, как, напр., роман А. Воронкова «Кавказ подо мною» (Благовещенск, 2001).

Я бы хотел закончить статью мудрыми словами старейшего писателя Приамурья И. Фотьева. Напутствуя И. Еремина и Б. Машука, которые в 1976 г. были приняты в Союз писателей СССР, он отметил это немаловажное событие в культурной жизни Приамурья: «Наверное, у каждого писателя, сколько бы он ни работал, главные книги всегда впереди, а «покой нам только снится». Нелегок путь литератора, но он и прекрасен. И хотелось бы, чтобы на пути этом земляки мои всегда являли пример духовной глубины и высокой гражданской заинтересованности в делах и жизни народа. Ибо это и только это отличает большую, настоящую литературу».